

**В вихре
времён**

Борис БАТЫРШИН

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Соратники

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

В оформлении переплета
использована иллюстрация художника *А. Заикина*

Батыршин, Борис Борисович.

Б28 Крымская война. Сопратники / Борис Батыршин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 352 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-98197-7

Они оказались в прошлом неожиданно и вовсе не собирались воевать с англо-франко-турецкой армадой, вторгшейся в Черное море.

Но их не спросили. Вышедший из-под контроля хронофизический эксперимент, затеянный вооруженными силами Российской Федерации, отправил во времена Крымской войны не только современный корабль, но и гидрокрейсер «Алмаз» с Первой Мировой. И теперь им предстоит устроить врагам России новый Трафальгар, новую Чесму и новую «Атаку Легкой бригады».

Русские моряки трех поколений готовы отстоять Крым от любого агрессора!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98197-7

© Батыршин Б.Б., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Все в дыму, бой в Крыму»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

*Из записок графа Буа-Вильомэза.
Хранится в архивах Адмиралтейства,
Санкт-Петербург*

«4 сентября. Погрузка на суда, начатая 2 недели назад, завершена. Флоту предстоит перебросить в Крым 28 000 человек, 1437 лошадей и 68 орудий. Кроме того, еще 6000 турецких солдат плывут на собственных судах.

Сначала на суда погрузили 60 пушек с лошадьми и зарядными ящиками. Потом погрузились 28 000 солдат и, наконец, 1110 лошадей кавалерии. Погрузка идет медленно, любое волнение на море крайне затрудняет ее.

Маршал Сент-Арно не пожелал ждать англичан, проявлявших недопустимую медлительность. Местом рандеву назначили остров Змеиный...

* * *

6 сентября. Стоим на траверзе Змеиною. Англичан пока нет. Мы послали авизо к лорду Раглану и выяснили, что английская эскадра попала в шторм, тогда как мы пришли к Змеиному при хорошей по-

годе. Сильный ветер стих лишь утром 6-го числа, и в 10.30 адмирал дал сигнал «выходить в море».

Порядок определили следующий: построение транспортов в шесть колонн, каждый транспорт берет на буксир маленький пароход; большие буксируют по два, а иные и по три парусника.

Нелегко найти перо, способное описать картину, представшую нашим глазам: более 100 судов с войсками, амуницией, провиантом, лошадьми и мулами в идеальном порядке, сияет солнце, синева неба отражается в бликах на воде. Часа не прошло, как наш караван растянулся на полгоризонта. Ни одна держава не снаряжала армию такой сокрушительной силы! Пятью линиями, имея на флангах военные корабли, огромный караван полз вперед, окутанный пеленой угольного дыма, которая смешивалась с облаками, придавая еще большую мрачность морю, столь удачно называемому «Черным». За дымным облаком пропал берег, и впереди, насколько хватало глаз, — лишь темные волны и неприветливое небо...

7 сентября. Мы соединились с турками и англичанами в 30 милях от берега. Английская эскадра из 9 линейных кораблей, 5 фрегатов и нескольких вооруженных пароходов выступала в качестве охранения. Мы обменялись сигналами, и с приветственными криками взяли курс на Крым.

Англичане, между прочим, сообщили о потере колесного фрегата «Фьюриес», отправленного в разведку...

Около двух пополудни над нами, в некотором отдалении от ордера, начало описывать круги то, что мы поначалу приняли за очень крупного альбатроса. Расстояние было таково, что даже в подзорные трубы не удавалось ничего разглядеть.

Через некоторое время гость приблизился настолько, что мы смогли рассмотреть его невооруженным глазом. Оказалось, что это вовсе не птица, а несомненное творение рук человеческих: своего рода крылатая лодка, несущая двух человек! Летела она куда быстрее чаек, и лишь стрижи могли бы потягаться с ней в скорости.

И эта крылатая лодка, несомненно, принадлежала русскому военному флоту! «Хвост», украшающий ее корму и более похожий на рыбий плавник, чем на птичье оперение, нес изображение русского военноморского флага: голубой крест на белом поле. Выстрелами из мушкетов ее отогнали, но сомнений не оставалось: русские обладают великолепным средством разведки, и мы теперь пребываем в положении слепцов, которых преследует зрячий противник!

Лучший корабль нашей эскадры «Наполеон», на котором находился в тот момент автор этих строк, стал предметом особого внимания непрощеных гостей. До темноты крылатые лодки появлялись еще три раза и каждый раз кружили над этим кораблем.

Но как, скажете мне, наши осведомители в России упустили из виду появление этой удивительной машины? Ибо в механической природе крылатой лодки сомневаться не приходится — свидетельствами тому и звук, издаваемый в полете, и крылья, напоминающие этажерку для книг, и быстро тающий в воздухе дымок, который она оставляет за собой.

Остается радоваться, что эти машины не обрушили на наши головы пороховые гранаты или зажигательные снаряды вроде брендсугелей. К тому же крылатый враг явно опасается ружейной стрельбы

и при первых же залпах удаляется на недосягаемое расстояние.

На всех нас, от юнги до адмирала, это произвело самое тягостное впечатление. Мы шли в бой, не сомневаясь в превосходстве своего оружия и технических средств, и вдруг один-единственный день поставил эту уверенность под сомнение! В самом деле, как можно сравнивать эти стремительные машины с неуклюжими шарами-монгольфьерами, на которых наши соотечественники не так давно научились подниматься в небо? К сожалению, нам нечего противопоставить русским в небе и остается молить Создателя, чтобы на море и на суше это оказалось не так.

8 сентября. Сегодня мы в первый раз подверглись атаке русского флота, и не приходится сомневаться, что неприятель действовал по указаниям своих летучих соглядатаев. К счастью, атакована лишь одна из колонн — та, в которой шла британская боевая эскадра.

Я не могу привести здесь детальное описание сражения, ибо не только не имел возможности наблюдать за ходом боя, но и не получил сколько-нибудь внятного отчета от его участников. Мы лишь слышали канонаду вдалеке, и один раз над нами пролетела одна из крылатых лодок. К вечеру мы все так же оставались в тяжком неведении, лелея слабую надежду, что британцы сумели отразить нападение. Ни одна из наших колонн не подверглась нападению русских кораблей или крылатых лодок..

9 сентября. Мы по-прежнему гадаем о событиях вчерашнего дня. Суда арьергарда доносят посредством флажных сигналов, что британская колонна отстала. По всей видимости, они исправляют полу-

ченные в бою повреждения. Мы остались без боевого охранения, и придется выделять из колонн вооруженные пароходы и парусные фрегаты и формировать из них летучий заслон.

Беспокойство вызывает то, что до сих пор нас не догнал ни один из британских быстроходных авизо — кажется, разумно было бы послать один из них с известием об исходе баталии? Я допускаю, что англичане не хотят подвергать посыльные суда чрезмерному риску, ведь крылатые лодки легко могут навести на него русские фрегаты. Остается уповать на испортившуюся погоду — не может быть, чтобы она не причиняла неудобств хрупким с виду сооружениям! Но та же непогода может задержать и англичан, а значит, мы по-прежнему будем пребывать в неведении...

10 сентября. Принято решение сбавить ход. Теперь мы еле ползем в сторону Крыма, нещадно избиваемые волнами. Погода по-прежнему скверная; кильватерные колонны то и дело разваливаются, буксирные концы рвутся, имеются случаи столкновений. От англичан по-прежнему нет известий.

14 сентября. Мы в 12 милях от Старого Форта, на широте 45 градусов. Несмотря на нападение русских и потерю связи с британской эскадрой, мы дошли до места всего за 8 дней.

Слава Создателю, авангард в составе линейного «Агамемнона», «Карадока», парохода «Самсон» и нашего фрегата «Примогэ» уже ожидал нас. Его начальник адмирал Лайонс до крайности раздражен оставанием британской эскадры. На совещании, состоявшемся на «Вилль де Пари», он потребовал отложить высадку, но лорд Раглан, находящийся на «Карадоке»,

и наш маршал Сент-Арно и слушать об этом не желали, и адмирал Лайонс, таким образом, остался в меньшинстве. И крепость, и город Евпатория должны быть заняты в самый короткий срок, для чего завтра начинаем высаживать войска.

16 сентября. Второй день длится настоящий кошмар. Процесс переброски на берег людей, лошадей, орудий, материалов, припасов — всего того, что составляет современную армию, — был тщательно продуман и подготовлен заранее, но на деле машина воинского снабжения немедленно стала давать сбои. Еще не отправившись в Крым, мы лишились большей части хлебных запасов, и сейчас армия располагает сухарями и галетами лишь на 10 дней вместо 3 месяцев. Причиной тому стал пожар, уничтоживший в Варне 3 миллиона порций сухарей и 28 передвижных хлебопекарных печей, специально изготовленных к экспедиции. Затребованные у Парижа дополнительные 3 миллиона пайков предстоит ждать не один месяц, и это совершенно очевидно в свете грандиозной бесполководщины, в которую превратило наше Интендантство дело снабжения армии. Будто мало неурядиц, доставляемых нашими собственными бюрократами и крючкотворами, — вдобавок к этой напасти немалая часть имущества и запасов оказались на британских транспортах! Снабженцы то и дело оказываются перед зияющими дырами, затыкать которые нечем. Недаром, перед отправлением, 29 мая, маршал Сент-Арно писал Императору : «Мы не можем воевать без хлеба, без обуви, без котелков и чайников, находясь в 600 лигах¹ от наших складов».

¹ Британская единица измерения расстояния, равная 3 милям или 4828 метрам.

Лагерь на холмах вблизи Евпатории быстро растет. Как по мановению ока, выстроились ряды палаток; к счастью, некоторое количество их было погружено на корабли и теперь выручает наших солдат. Увы, разборные домики из деревянных щитов, которыми предполагалось заменить архаичные полотняные шатры, не выдерживают знакомства с крымскими ветрами.

Новый день принес нам новую неприятность. Крылатые лодки, которых мы не видели со дня боя с русскими, появились вновь! Они кружат над бухтой, забитой кораблями, облетают скопления грузов, войск, гужевых повозок на берегу. Снизу по летучим машинам беспорядочно стреляют, но без результата. Наивно полагать, что даже лучший стрелок сможет попасть из штуцера по летящей на такой высоте цели...

17 сентября. Наконец получены известия от англичан! Оказывается, охранение вступило в бой с русскими кораблями, понесло жестокие потери и не нашло ничего лучшего, как повернуть обратно в Варну, оставив тех, кто был поручен их заботам! Воистину, господь благоволит доблестным сынам Франции: за те 8 дней, что прошли после баталии, русские ни разу нас не потревожили. Возможно, причиной тому стала непогода?

Офицеры с британского корвета наперебой рассказывают о быстроходных русских фрегатах, об их разрушительной артиллерии. Слухи расплозятся по лагерю со скоростью лесного пожара, оказывая на людей неблагоприятное воздействие: все мы стали свидетелями того, как Ройял Нэви, в могуществе которого нас упорно убеждали, бросился наутек, получив пер-

вый щелчок по носу. Этим союзники поставили нас в тяжелейшее положение: ни о какой посылке эскадры к Севастополю для бомбардирования фортов теперь и речи быть не может. Непросто решиться даже на разведочную вылазку, настолько тяжкое впечатление произвели на моряков рассказы о невероятных русских кораблях! Маршал Сент-Арно, желая пресечь подобные настроения, во всеуслышание заявил, что беглецу с поля боя противник всегда мнится неуязвимым, и лишь этим можно объяснить то, что лаймы болтают о русских кораблях. Адмирал Лайонс, услышав это, вышел из себя и заявил, что не намерен впредь иметь дела с главнокомандующим. Офицеры обеих армий не отстают, и в лагере назревает эпидемия дуэлей и драк. Спасает лишь то, что большая часть английских войск осталась на ушедших кораблях. Впрочем, кавалеристы легкой бригады Кардигана здесь, и они одни с успехом заменяют всех остальных драчунов армии Ее Величества королевы Виктории...

19 сентября. Несчастья не оставляют нас. Вчера было решено отправить разведку к Севастополю. Лорд Раглан настаивал на посылке сразу двух десятков кораблей, в том числе «Наполеона» и «Агамемнона», но природная осторожность адмирала Гамелена взяла верх. Для задания он выделил прекрасный колесный фрегат «Вобан» и винтовой корвет «Катон» — очень ходкое посыльное судно с железным корпусом. Не успели разведчики отойти на десяток миль от Евпатории, как в небе над ними была замечена крылатая лодка. Не приходилось сомневаться, что русские увидели наши корабли гораздо раньше. Но отряд продолжал следовать прежним курсом, надеясь на ходкость своих кораблей.

Расплата наступила незамедлительно. Скоро на горизонте показались дымы четырех судов. Оценив численное преимущество противника, капитан «Вобана» (человек, безусловно, храбрый) приказал поворачивать обратно. Но, увы, два русских корабля без труда догнали фрегат! «Катону» повезло — он шел впереди, да и скорость мог развить заметно больше, чем колесный «Вобан». Корвету удалось уйти, оставив спутника на растерзание неприятелю. Дальнейшая судьба фрегата неизвестна; не приходится, впрочем, сомневаться, что она оказалась печальна. Судя по рассказам англичан, любой из неприятельских кораблей легко справится с двумя фрегатами того же типа, к которому относился «Вобан».

Крылатые лодки регулярно появляются над лагерем и Евпаторийской бухтой. Согласно донесениям лазутчиков из числа местных жителей, база, с которой они совершают полеты, расположена в местечке под названием *Kacha* (в первоначальных планах это место рассматривалось как подходящее для высадки). Разъезды наших африканских егерей и гусар из британской Легкой бригады по нескольку раз в день сталкиваются с *Cosaques* и несут потери. Особенно жестокие стычки случаются, когда дикие степные конники пытаются отбить направляющиеся в лагерь телеги, принадлежащие местным обывателям. Эти *Tatars*, мусульмане, бывшие подданные османского султана, не простившие русским завоевания своих земель, охотно нам помогают. *Tatars* служат проводниками, приносят сведения, снабжают лагерь скотом и даже выражают готовность вступить в ряды спешно создаваемой местной милиции.

Увы, этих *Tatars* (в иное время жестоких и отчаянных головорезов и умелых воинов) охватывает панический страх при виде русских крылатых лодок. Увидев их, *Tatars* (все поголовно мусульмане) в панике разбегаются, бросая оружие, скот, повозки, и это наносит нашему снабжению, и без того дурно устроенному, весьма значительный вред. А потому уничтожение базы крылатых лодок в Каче названо в числе первоочередных задач. Некоторые рассчитывают, что, заняв Качу, мы обезопасим лагерь от угрозы с неба, так как крылатые лодки не смогут долететь до Евпатории из Севастополя. Я не разделяю такого оптимизма: не стоит забывать, что проклятые летучие механизмы сумели достать нас во время перехода в Крым, вдали от берегов — а значит, либо они обладают очень большой дальностью полета, либо способны базироваться на одном из русских кораблей.

И все же дальнейшее пребывание в Евпатории лишено всякого смысла. На большом военном совете было решено не позже чем через четыре дня выдвигаться на юг, к Севастополю. Флот поддержит армию движением вдоль побережья, так что новым русским фрегатам непросто будет противостоять такой массе кораблей и пушек...»

II

25 сентября 1854 г.

Крейсер II ранга «Алмаз».

Лейтенант Реймонд фон Эссен

На шканцах медно звякнуло: пять склянок. Последний удар перекрыл зычный рык боцмана, с утра лютовавшего на палубе. Фон Эссен не стал

интересоваться, что вызвало неудовольствие Перебийвита; «Алмаз», вместе с остальными кораблями отряда, готовится к походу. Мимо лейтенанта бодро прорысили два матроса — волокли брезентовый рукав, чтобы окатывать из него палубу. Приборка заканчивалась.

В пяти кабельтовых напротив Константиновской батареи лениво дымит «Заветный». Рядом, за цепочкой плавучих бонов, виднеются «Морской бык» и низкие силуэты пароходов. А дальше, на внутреннем рейде, — высится густой лес мачт. Черноморский флот. Силища!

Корабль «потомков» стоит на бочке тремя кабельтовыми мористее «Алмаза». Рядом с ним пристроился «Громоносец» — Корнилов ни на миг не оставляет гостей без пригляда.

«Потомки» настояли на том, чтобы поставить свой сторожевик подальше от берега. Их прибор, называемый «радиолокатор», способен обозревать море необыкновенно далеко, но высокий берег сильно мешает обзору. Эссен своими глазами видел картинку на экране и готов был свидетельствовать, что возвышенности, окружающие Ахтиарскую бухту, и правда ограничивают видимость. Но при том лейтенант никак не мог отделаться от мысли, что это лишь повод и командир сторожевика капитан второго ранга Кременецкий попросту не хочет забираться в теснины и узости внутреннего рейда, где корабль целиком в чужой власти, а его замечательные скоростные качества не значат ровным счетом ничего.

А ведь и недели не прошло, как алмазовцы сами косились на ряды пушек в бортах нахимовской эскадры и гадали, что это — знак вежливости или мягкий